

СОДЕРЖАНИЕ

Пилигримы из имперской столицы	10
Предисловие автора	14
Глава I. Дом 6/16 по Шпалерной и набережной Кутузова, Санкт-Петербург	23
Глава II. Война, революция и отъезд	51
Глава III. После революции: семья разъезжается	65
Глава IV. Депрессия и репрессии	97
Глава V. Послевоенные контрасты	129
Глава VI. Размышления о нашем времени	161
Постскриптум	176
Заключение	182
Об авторе	185
Благодарности	187
Приложение. Старшая ветвь	189

Памяти моей тети
Ирины Михайловны Колубакиной,
в девичестве Ясюкович

ПИЛИГРИМЫ ИЗ ИМПЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ

Род Ясюковичей на службе России

Перед нами труд в высшей степени необычный: он затрагивает не просто два века истории России, а нечто большее — перед нами рассказ о том, насколько все люди, где бы они ни жили, тесно связаны друг с другом; рассказ о том, что между самыми разными народами существует гораздо больше общего, чем различного; перед нами интереснейшая история о том, как человек, оказавшийся в непростых жизненных обстоятельствах, может их изменять в свою пользу, проявляя при этом поразительную способность к адаптации едва ли не в любой среде; в общем, перед нами книга о путях развития мировой цивилизации последних двух столетий, показанная через историю одной семьи — Ясюковичей, которые, подобно пилигримам, путешествовали по всему свету, успешно проявляя себя в самых разных профессиональных сферах. При этом

герои этой книги никогда не забывали о Петербурге, с которым были связаны едва ли не самые блестящие страницы их родовой истории.

Рецензируемая книга — пример по-настоящему увлекательного исторического произведения: сверхзадачей автора книги было воссоздание истории дворянского рода Ясюковичей, многие потомки которого с честью и славой служили на благо Российской империи; среди них были блестящие путевые инженеры, высокопоставленные профессиональные военные, дослужившиеся до генеральских чинов, — словом, люди разнообразных талантов.

Потом, после крушения Российской империи, судьба разбросала их по всему свету: представителей этого рода можно разыскать во многих странах. Увы, подобный разворот событий не может считаться уникальным; уникально — другое: родившийся в 1935 г. вне России Станислас Ясюкович взялся уже в наши дни проследить судьбу своего рода, протянув ниточку от блестящего XIX века к настоящему времени, рассказывая о судьбах многих представителей своей фамилии, разбросанных игрой случая едва ли не по всем континентам.

Демонстрируя впечатляющую общегуманитарную эрудицию, С. Ясюкович искусно объединяет рассказ о своих родственниках с рассказом о судьбе России и мира в великом и страшном XX веке. Под талантливым пером автора мелькают дореволюционный Петербург, Польша, Литва, Латвия, Нью-Йорк, блестящие салоны довоенного времени, затем Февраль и Октябрь, Гражданская война, эмиграция, затем современная Россия...

Казалось бы, в подобном, столь масштабном, повествовании нет и не может быть какой-то центральной и объединяющей идеи, того зерна, которое связывает всю эту книгу, превращая ее в общее целое. Но это не так. Такая идея есть: семья. В послесловии родственник автора, А. С. Семенов, сравнивает героев книги, представителей рода Ясюковичей, с героями

«Войны и мира» Льва Толстого, показывая их взлеты и падения и рассуждая об огромной силе воли, заставляющей Ясюковичей вновь и вновь, собравшись духом, идти вперед к новым свершениям. А род Ясюковичей действительно необычен, он — пример успеха, о чем и пишет А. С. Семенов: «Как упорные ростки, пробивающиеся через асфальт, другие герои — наперекор всему — сами берут в руки управление бытием: дети, внуки и правнуки бывшего известного промышленника Империи — стали успешными американскими биржевыми брокерами, английскими финансистами, европейскими управляющими крупными банками, писателями, режиссерами и журналистами. Дети, внуки и правнуки боевого генерала и репрессированной русской дворянки — врачами, фармацевтами, инженерами, учеными, бизнесменами и — снова промышленниками. Семейное дерево — ветвится и дает новые ростки».

А. С. Семенов называет, вслед за С. Ясюковичем, эту книгу Сагой. И это справедливо. Отсюда и напрашивающееся сравнение, но у меня — не с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, а с «Сагой о Форсайтах» Голсуорси. Мое сравнение идет не от созвучия в названии. Дело в другом. Напомню, что в масштабном произведении Голсуорси «родовой инстинкт», «семья, домашний очаг и собственность» были ангелом-хранителем Форсайтов. Жизнь, разбросавшая Ясюковичей по всему свету — от Кейптауна до Петербурга, — не была настолько жестока к этой семье; их родовой очаг, с рассказа о котором и начинается рецензируемая книга, сохранился и в наши дни: и поныне одним из украшений Санкт-Петербурга является связанный с героями «Саги о семье из Российской империи» дом на Шпалерной улице. Дом, в котором когда-то все представители этого рода были счастливы. Их привязанность к семье как высшей ценности для любого просвещенного человека действительно напоминает героев Голсуорси.

Книга С. Ясюковича — блестящий пример исторической литературы. Думаю, она будет интересна самому широкому

кругу читателей. Автору удалось связать прошлое и настоящее, доказав, что занятия историей, даже (а может быть, и в особенности) если это история собственной семьи, могут быть по-настоящему увлекательным делом.

*Пученков А. С.,
доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей истории России
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета, профессор РАН,
09 апреля 2026 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В своей предыдущей книге — «Две жизни: мемуары об обществе и финансах» — я объединил биографию отца с автобиографией: повествованием о собственной жизни и эпохе. Я признаю, что оно полно анекдотических рассказов и даже вымысла, необходимого, чтобы заполнить пробелы в моей памяти. Но что касается отцовской биографии, тут я поставил перед собой задачу написать правдивый и достоверный отчет, и огромным препятствием этому стало крайнее нежелание отца поведать свою историю жене и детям. Мои друзья и современники из эмигрантской среды столкнулись с такой же проблемой. По-видимому, белоэмигранты стерли из памяти воспоминания обо всем, что произошло до, во время и сразу после Октябрьской революции — события, которое положило конец их привилегированному существованию. Мне

пришлось сделать ставку на переписку с третьими лицами, а также на обрывки разговоров и случайные комментарии, которые я слышал в семейном кругу.

Как бы то ни было, попытки заново связаться с теми, кто остался на родине, или побывать в местах, где эмигранты жили до революции, натолкнулись на волну репрессий и стену вынужденного молчания, в которое погрузились граждане Советского Союза. С установлением в стране абсолютной власти большевиков призрачные надежды эпохи раннего ленинизма сменились суровой сталинской реальностью. Лишь с приходом перестройки, гласности и падением советской империи окна в мир наконец открылись, и сквозь них хлынула информация о том, что происходит вовне.

Теперь наконец можно восстановить хронику ужасных событий, происходивших в годы Большого террора. Благодаря исключительному стечению обстоятельств мне удалось узнать множество фактов об истории отцовской семьи, и теперь придется переработать многое из того, что я писал до этого, и даже отказаться от некоторых своих слов. Лучи истины разгоняют тучи сомнений, а чрезмерно оптимистичные предположения, бывает, не оправдываются.

Но все же тайна так и не раскрыта. Почему понадобилось так много времени, чтобы правда вышла наружу? Черчилль называл Советскую Россию «загадкой, окутанной тайной, заключенной в головоломку». И главный вопрос, занимающий меня как автора этой книги: почему мой отец, Дмитрий Ясюкович, скрыл от нас так много хорошо известных ему подробностей о его ближайших родственниках?

Цитата Черчилля тут очень уместна. Я оставлю ключи, но не могу обещать, что раскрою тайну, как Эркюль Пуаро. Как и многие другие попытки восстановить прошлое, эта представляет собой путешествие первооткрывателя малоизвестной семейной истории в контексте экстраординарных геополитических событий. Надеюсь, что описание обстоятельств этой

загадки отразит мой личный взгляд на Российскую империю, трудности, которые она переживала в конце XIX — начале XX века, а также на ее подданных, внезапно оказавшихся по разные стороны железного занавеса.

О крахе старой империи — я имею в виду царскую Россию — написано немало. Вынужденное бегство дворян и интеллигенции после Октябрьской революции 1917 года описано в многочисленных мемуарах, созданных в изгнании. Этой эпохе посвящена классическая кинолента Дэвида Лина «Доктор Живаго» по роману Бориса Пастернака. В 1920-е и 1930-е годы в Голливуде это был популярный сюжет.

Разумеется, многие люди дворянского происхождения после революции не смогли уехать из России, и яростный шторм советских репрессий обрушился на них со всей силой. Воссоединению и общению разлученных членов семей препятствовал железный занавес, опустившийся в конце Гражданской войны, которая оборвала жизни более восьми миллионов человек и закончилась лишь в 1922 году. Утвердив свою бесспорную власть, большевики по-прежнему боялись контрреволюционных заговоров за рубежом и сперва не одобряли, а затем и вовсе запретили населению любые контакты с заграницей. Однако куда более суровым испытанием для оставшихся стала необходимость скрывать семейные связи с «бывшими людьми» — этим любопытным термином в советское время называли представителей дворянства и других сословий, чей социальный статус был утрачен в результате реформ новой власти. В годы перестройки запрет на контакты с иностранцами и ограничения на выезд сняли. Но в этой ловушке успели вырасти три поколения. Миллионы людей были убиты или попали в сибирские лагеря; о том, что такое ГУЛАГ, на Западе узнали благодаря Солженицыну. В условиях железного занавеса и холодной войны выяснить что-то о членах семьи по обе стороны границы стало практически невозможно.

Мне, сыну белого русского эмигранта, выросшему в США, часто приходилось объяснять, что это не значит, что я из Белоруссии (или Беларуси); «белый» цвет, в противовес «красному», означал принадлежность к старой русской аристократии, представители которой бежали от большевиков. Впрочем, к «белым» также относили и состоятельных купцов, людей искусства, интеллектуалов и монархистов. Белый считался цветом роялистов, так как во время Французской революции белые кокарды носили те, кто поддерживал королевскую власть; они надевали их, даже поднимаясь на гильотину. В годы Гражданской войны в России защитники старого режима назывались Белой армией, а большевики образовали Красную армию.

Как я уже рассказывал в биографии отца, совмещенной с автобиографией и опубликованной в 2016 году, у меня не было причин полагать, что после революции кто-либо из наших родственников остался в России. Отец всегда говорил нам, что его старшая сестра Ирина, которая вышла замуж во время войны или сразу после нее, исчезла вместе с мужем и маленькой дочерью и вся их семья считалась погибшей. Он утверждал, что пытался разыскать их в 1920-е годы, но его попытки не увенчались успехом. Старшая сестра отца, Мария Магдалина, эмигрировала в Польшу, и ее трагическая история известна нам в подробностях, так как наша семья поддерживала контакт с ее единственной дочерью Данутой.

Поэтому я испытал настоящий шок, получив письмо от профессора Александра Слоневского из Украины, с которым связалась некая Алла Ивановна Семенова из Санкт-Петербурга, заявившая, что является нашей родственницей. Мы с профессором Слоневским были знакомы: он написал превосходную биографию моего двоюродного прадеда Игнатия Игнатьевича Ясюковича, инженера и промышленника, который основал крупнейший металлургический и сталелитейный комбинат в Восточной Европе и построил город-спутник этого предприятия — Каменское на Днестре. Профессор обратился ко мне,

когда собирал материал для книги «Игнатий Ясюкович — имя в истории». Алла Ивановна нашла и прочитала ее в сети. Она и ее семья пытались найти потерянных родственников через интернет. Возможно, они не знали о существовании Игнатия Ясюковича, так как тот был капиталистом и дворянином, а ни то, ни другое не поощрялось в Советском Союзе, поэтому его немалые достижения остались без внимания. Но теперь у нас появился важный ключ: девичья фамилия бабушки Аллы Ивановны, Ирины Михайловны, была Ясюкович. В своей книге профессор Слоневский касался истории нашей семьи, в частности, писал, что некоторые ее члены после революции эмигрировали на Запад. Он опирался главным образом на информацию, предоставленную его внучкой Ханной Шленкер (в девичестве Ясюкович), которая поддерживала связь с нашей ветвью клана Ясюковичей.

Увы, такова печальная примета нашего времени — все новости и сообщения, которые мы получаем через интернет, вызывают подозрение. Не сомневаюсь, что после изобретения телеграфа и телефона разного рода аферисты тоже начали активно использовать их в своих целях. С развитием цифровых медиа совершенствуются и мошеннические схемы. Признаюсь, такова была моя первая реакция. Но профессор Слоневский сказал, что склонен доверять Семеновой, так как она сообщила достоверную информацию о нашей ветви семьи. И все же имелись явные противоречия, поэтому он предложил посодействовать в проверке фактов. Сын Ханны Янек Шленкер, с которым Слоневский был хорошо знаком, и моя двоюродная племянница Софи Вариллон, внучка моей тети Марии Магдалины — второй сестры отца, — оказали ценную помощь в этом процессе, который занял совсем немного времени. Поскольку Алла Ивановна плохо говорила по-английски, я связался с ее сыновьями Дмитрием и Александром Семеновыми, которые превосходно владели языком.

А дальше началось невероятное: обмен фотографиями, документами, воспоминаниями, обрывками утерянной информации, внезапно находившимися свидетельствами и ветвями семейного древа. Мы активно общались и в конце концов признали друг друга и поразились счастливому совпадению, которое свело нас вместе почти через сто лет. Мы с сестрой Арианой испытали настоящее потрясение, в нашем почтенном возрасте узнав, что в России у нас двадцать с лишним двоюродных родственников. А моя племянница Софи благодаря этому узнала о судьбе своей бабушки, которая умерла еще до ее рождения.

Но новые открытия также стали поводом и для глубоких размышлений. Мне было весьма неуютно осознавать, что мы росли в комфорте и роскоши, в высших эшелонах американского и европейского общества, в то время как наши ближайшие родственники были обречены существовать в условиях одного из жесточайших политических режимов XX века. Моя книга ни в коем случае не является попыткой искупить эту ужасную несправедливость. Я просто считаю, что эту историю нужно рассказать. Удивительное воссоединение семьи, которую разлучила революция, пролило свет на подробности моего происхождения, на многие факты, о которых я прежде не догадывался, — в первую очередь потому, что отец не хотел о них говорить, но также потому, что мне не хватало главных ключей к истории той ветви семьи, что осталась в России. Будто камень, упавший в пруд со стоячей водой, первый контакт между Аллой Ивановной Семеновой и профессором Слоневским вызвал рябь, которая стала началом движения к многочисленным открытиям. Мы даже обнаружили более отдаленную ветвь семьи — потомков брата моего прадеда. Эта история рассказана в приложении к книге. Ради памяти отца я считаю своим долгом исправить ошибки и восполнить пробелы, допущенные в моей предыдущей книге. А ради всех своих родственников в России и за ее пределами обязан рассказать

все, что мы узнали о драматических событиях в результате нашего счастливого воссоединения.

Я посвящаю эту книгу тете Ирине — ей пришлось выстрадать больше всех. Не хочу преуменьшать трудностей и несчастий ее сестры, моей тети Марии Магдалины. Нам с сестрой Арианой несказанно повезло, что мы с самого детства были знакомы с ее прямыми потомками. Но эта книга посвящена всем многочисленным потомкам Ирины, которые сейчас живут в России. Их оптимизм, их умение смиряться и прощать и искреннее, теплое чувство семейственности стали для меня величайшей наградой за такой неожиданный поворот событий, беспрецедентный в истории нашего рода, восходящей к 1548 году. Надеюсь, мой труд прозвучит как хвала самому замечательному и древнему человеческому институту — институту семьи.

Г л а в а I

ДОМ 6/16 ПО ШПАЛЕРНОЙ И НАБЕРЕЖНОЙ КУТУЗОВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Дом — начало всех историй. Выходя из дома, человек начинает свои ежедневные странствования; долгое приключение ребенка длиною в жизнь тоже начинается дома. Наши первобытные предки не мыслили существования без своих пещер и хижин. Сюжет детских сказок всегда вертится вокруг избушки или замка: в замке заточена принцесса, Гензель и Гретель набредают на ведьмину пряничную избушку в лесу. А часто ли на закате жизни мы вспоминаем дом своего детства? Мой рассказ о тете Ирине и ее семье тоже начинается с дома — большого особняка в Санкт-Петербурге, занимающего целый квартал между набережной Кутузова (бывшей Французской, так как на ней располагалось посольство Франции) и тянущейся параллельно ей Шпалерной улицей. У этого дома два входа, и, следовательно, два адреса; внутри — большой двор, куда

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru